

*Бунтарям и мечтателям,
бросающим вызов устоявшимся догмам*

Эта книга — исторический роман-притча, облеченный в форму биографии.

Опираясь на документальные свидетельства и переосмысляя события через призму современного феминизма, это повествование о жизни Йоханны Ван Гог раскрывает ее сознательный разрыв с патриархальными устоями, утверждает непреходящую ценность ее наследия и ту созидательную энергию, которую порождает любовь.

«ЦВЕТУЩИЕ ВЕТКИ МИНДАЛЯ»

Работа шла успешно, последнее свое полотно «Цветущая ветка» — ты его увидишь — я сделал, пожалуй, лучше и тщательнее, чем все предыдущие: оно написано спокойным, более уверенным, чем обычно, мазком.

И на другое же утро я стал конченным человеком, превратился в скотину¹ *.

ВИНСЕНТ ВАН ГОГ,
примерно 17 марта 1890 года

* Здесь и далее источники писем, а также значения слов, помеченные цифрами, смотрите в разделе «Примечания переводчика» (стр. 525–527).

Зима 1891

Париж

Йо

Вытащив ближайший холст на свет божий, Йо Ван Гог узнала одну из картин с подсолнухами. Несмотря на жизнерадостные золотисто-охристые тона, поникшие цветы внушали печаль. Это была не та картина. Стиснув зубы, Йо вернула ее на место.

Утренние лучи золотили пыль, осевшую на грубых деревянных ящиках, которые громоздились вдоль стен душной гостиной. Часть из них стояла друг на друге, заслоня диван и пианино — свадебный подарок тетушки Корнелии, — другие перегораживали и без того тесное пространство комнаты, так что приходилось пробираться боком. Единственный свободный стул был задвинут под высокий дубовый стол Тео, заваленный письмами и стопками пожелтевших газет Le Figaro.

Пальцы Йо скользнули по шероховатому краю очередного ящика — она еще не заглядывала в него. Резко откинув крышку, она осмотрела беспорядочно уложенные холсты в поисках «Цветущих веток миндаля» — любимой картины Тео. Если муж вернется... она вздрогнула... нет, *когда* он вернется, то увидит эту работу, и она успокоит его, придаст ему уверенности.

Йо перебрала холсты: грозовой серый, крапчатый оранжевый, золотистая охра — и не нашла ни одной ветки с дивными белесыми бутонами. Она раздраженно захлопнула крышку.

Это было так на нее похоже. Она всегда сомневалась в себе, всегда считала, что другие знают лучше. Отец учил ее остерегаться «женских глупостей», противоречащих здравому смыслу. Так что, когда ее брат Дрис настоял на том, чтобы организовать архив работ Винсента, она легко согласилась, не сообразив, что он просто решил упрятать картины в неподписанные ящики с глаз долой. Не составив ни перечня, ни описи. Лишь теперь она поняла: Тео будет очень недоволен.

Йо чихнула и скрестила руки на груди. По спине пробежала дрожь. В спертом воздухе витал стойкий запах скипидара и опилок. На ней было любимое платье Тео. Пусть тонкий шелк предназначался для вечерних выходов в оперу — прелестное сиреневое платье наверняка порадует его, особенно в сочетании с модными изящными туфельками, привезенными из Амстердама. Но за время беременности ноги у нее, похоже,

увеличились в размере — туфли жали, и теперь приходилось осторожно пробираться между ящиками, чтобы платье не зацепилось.

Она не могла сдаться. «Цветущие ветки миндаля» были их талисманом, приносящим удачу, идеальным подарком к возвращению Тео. Йо так хотела, чтобы сегодняшнее утро было безупречным! Она жаждала этого всем сердцем.

Ведь как только Тео снова окажется за своим столом, потягивая бокал любимого мерло, а малыш Винсент будет болтать ножками у него на коленях, он наконец успокоится, почувствует облегчение после перенесенных испытаний. Вот тогда она и попросит у него поддержки — признается, что отправила рисунки Винсента в Бельгию на выставку «Группы двадцати»². В животе заныло. Она отодвинула крышку следующего ящика и быстро перебрала холсты. Отзывать работы было уже поздно, но Тео умел рассеивать ее тревоги. Если ее решение окажется ошибкой, он все исправит. Его утешительные слова всегда дарили ей чувство защищенности. Может, он даже похвалит ее. А потом они вместе распакуют картины и снова займутся делами Винсента.

Она откинула еще одну крышку, пальцы скользнули по краям холстов.

Тео отсутствовал целых три месяца. Это была самая длительная разлука за все время их знакомства и брака, дольше ее самых продолжительных поездок к семье в Амстердам. Доктор ван Эден регулярно телеграфировал,

что головные боли Тео ослабевают, но Йо не могла отделаться от мысли, что он что-то утаивает. Неужели врач позабыл, что *она была там*, когда санитары с трудом надевали на ее мужа смиренную рубашку? Пока те пытались его утихомирить, *Тео все выкрикивал ее имя*, снова и снова. Конечно, теперь-то он понимал: это была вынужденная мера. Ей пришлось их вызвать после череды безутешных ночей, когда он корчился от невыносимой боли, задыхаясь от криков, до смерти пугая ее и рыдающего младенца. Содрогнувшись, она попыталась отогнать эти образы, но никак не могла избавиться от стыда за то, что пряталась, когда его увозили.

Телеграммы доктора вселяли в нее надежду. Но когда они с Вил, сестрой Тео и Винсента, и матушкой Ван Гог в прошлом месяце приехали на поезде в Утрехт, доктор не пустил их в палату и заявил, что гипнотические сеансы для лечения болезни мозга требуют больше времени. Она уехала, даже не утешившись мимолетным взглядом на мужа. Не получив возможности объясниться. Попросить прощения за то, что вызвала санитаров.

Устало склонив голову, Йо прислушалась к ребенку, но из спальни по-прежнему доносилось лишь ровное дыхание. Обвела воспаленными глазами море ящиков. Тео пришел бы в ужас. Двадцать семь ящиков, по десять и более холстов в каждом, засунутых как попало.

Настоящее кошунство. Картины стали главной связующей нитью их союза — и навсегда ею останутся даже после ухода Винсента.

«Цветущие ветки миндаля» должны были напомнить Тео об их духовной близости.

Холст с нежными бело-розовыми соцветиями и для нее был дороже прочих. Они с Тео поженились, когда Винсент восстанавливался после очередного приступа в лечебнице Сен-Поль-де-Мозоль. Винсент написал эту работу через несколько месяцев после рождения своего маленького тезки. И хотя Тео уверял, что Винсент одобряет их союз, Йо знала: этот брак внес разлад в братские отношения. «Цветущие ветки миндаля» стали для них оливковой ветвью — жестом доброй воли и примирения.

В сотый раз она достала из кармана вчерашнюю немногословную телеграмму от Дриса и прочла вслух: «У меня новости. Приеду завтра в девять утра». Закрыв глаза, она прижала клочок бумаги к груди. Дрис никогда не умел хранить секреты. Логично, что он решил сопроводить лучшего друга домой и устроить ей сюрприз. Он ведь и свел их с Тео когда-то.

С самой первой встречи, устроенной Дрисом, Тео занял место рядом с ней, заполнив пустоту, о которой она даже не подозревала. Казалось, однажды, еще в прошлой жизни, они договорились, что непременно отыщут друг друга в этой. Согласие выйти замуж и последовать за Тео в Париж было не столько осознанным выбором, сколько неизбежностью. Исполнением мечты. Словно найти в Тео родную душу означало обрести блаженную цельность. Когда у нее подгорало жаркое, вместо того чтобы отчитать ее, как сделал бы отец, он улыбался и уверял, что

мечтает о холодном ужине из хлеба с сыром. Когда он просыпался посреди ночи от тревог о том, сможет ли один из его художников заплатить за аренду мастерской, она вставала, чтобы выслушать и утешить его. У Тео не было ни капли грубости и честолюбия ее отца. В уединении дома Тео был мужем, который делился надеждами и страхами и всегда ценил ее мнение.

Благодаря ему она стала матерью прекрасного сына. Первого из вереницы детей, которых они мечтали вырастить вдвоем.

На их сердцах словно было высечено самой судьбой: «Вместе навеки».

За окнами тихой квартиры в квартале Пигаль башенные часы пробили девять. С замершим сердцем Йо повернулась к прихожей, когда резкий стук прокатился по комнатам. Бросившись к двери, она распахнула ее. Перед ней стоял Дрис.

— Шутник! — только и выдавила Йо из себя. Оттолкнув его, она заглянула ему за спину.

Никого.

— Где же Тео? Дрис... — она смолкла, увидев покрасневшие глаза брата.

Он схватил ее за руки.

— Тебе нужно сесть.

Дрис на ватных ногах провел ее через лабиринт ящиков и усадил в кресло у стола. Опустившись на колени, он произнес:

— У меня новости...

— Тео стало хуже? — пролепетала Йо, в панике ухватившись за его рукава. — Он же худой как спичка. Он что, еще больше исхудал? Совсем перестал есть, да? Я слышала, их кормят насильно...

— Нет, Йо, послушай...

— Меня к нему не пустили! — она рванулась от него. — Мне нужно к нему! Он отзовется на мой голос!

— Йо! — Дрис схватил ее за плечи и внезапно перешел на шепот: — Тео *мертв*.

— Да нет же... Я же только что там была! Пыталась его увидеть... — в груди у нее все сжалось.

— Мне так жаль, Нетти.

От детского прозвища у Йо перехватило дыхание.

Тео не мог умереть.

Она только начала привыкать к роли жены, и двух лет еще не прошло. Днем к ней придет мадам Смете на очередной урок кулинарии. Только вчера на кухне поставили новую газовую плиту. Йо чувствовала себя обманутой: она ведь хотела поджарить на ней первый бифштекс мужу на ужин.

Она судорожно вздохнула.

Мальши Винсент никогда не узнает отца.

Вырвавшись из хватки Дриса, она взяла со стола миниатюрный двойной портрет, где были совмещены их с Тео фотографии. Из овальной рамки на нее смотрело любимое лицо. Вспомнилось, как она пыталась усмирить его непослушную челку, смочив ее водой, но волосы вновь взбунтовались, взметнувшись дикой волной над

смеющимися глазами. Изображение поплыло. Уронив портрет, она схватилась за стул для опоры.

— У меня голова кругом...

Дрис настойчиво старался вложить ей в руку носовой платок.

— Тебе нехорошо? Может, лучше прилечь? — спросил он. Она покачала головой: какой смысл сейчас лежать? — Вчера мне прислали телеграмму из лечебницы.

Она заморгала.

— Погоди... тебе? Но почему не...

— Да брось! Вспомни, какой ты была после родов. Отец настоял, чтобы связывались со мной.

— Но такая новость... — Это правда: первое время после рождения малыша Винсента ей действительно было трудно. Тео считал нужным сообщить ей о смерти своего брата только на следующий день. Как же это похоже на отца — взять все под контроль. Оградить любимую дочь от дурных вестей.

Снова навернулись слезы. От такого ее оградить никто не смог.

Она вытерла глаза и прошептала:

— Где-то в глубине души я это знала, Дрис. Всю ночь не могла уснуть. И малыш тоже. Он вертелся, капризничал. Тоже чувствовал.

— У Тео был приступ. Он потерял сознание. Умер во сне.

Она уставилась на смятый платок у себя в руках. Почему она не была рядом с Тео? Как допустила, что он

умер в одиночестве? Слеза медленно скатилась к подбородку.

— Утром отец прислал распоряжения. — Дрис извлек телеграмму из внутреннего кармана пиджака. — «Похороны в понедельник на кладбище Сустберген в Утрехте. Билет на поезд для Йо. Переезд», — прочитал он.

Ее живот скрутил нервный спазм.

— Это так далеко... До Утрехта отсюда не меньше четырехсот километров. Как же я буду... — Она не смогла выговорить: *навещать могилу Тео*.

— Это решение отца.

— Погоди... Отец знает? — Йо посмотрела на Дриса в замешательстве. Тео же только что умер.

— Я послал ему телеграмму, как только сам получил известие.

— Вчера вечером?

Дрис нахмурился.

— Нет, я же сказал, это произошло вчера утром. Бедняжка Йо. Это такой удар для тебя. Тебе нужно прилечь. — Дрис протянул руку, но Йо вскочила, оттолкнув его. Это у него ум помутился, а не у нее!

— Не надо мне никуда ложиться! Ты сообщил *отцу* о смерти Тео! А от меня все *утаил*! А ведь я его жена! — Ее голос дрожал.

— Тео был моим лучшим другом! Ты не единственная, кто скорбит.

Йо пристально смотрела на него, слезы текли у нее по щекам.

— Был... Я была его женой.

— Ох, Нетти...

Дрис встал и снова потянулся к ней, чтобы обнять, но она отступила.

— Постой. Значит, послать телеграмму отцу ты нашел время, а мне сообщить — *нет*?! — Гнев накатил волной. Йо резко занесла руку, чтобы дать ему пощечину.

Дрис перехватил ее руку за запястье.

— Не смей меня упрекать! Мы только и делаем, что заботимся о тебе. Тебе ведь известно, что нужно все организовать. И потом, мы же знаем, какая ты. Чудо, что ты вообще на ногах. Тебе ведь довольно малейшего... потрясения, чтобы слечь.

Йо вырвалась. Мысли у нее путались.

— Я... Мне... нужно пообщаться с матерью Тео.

— Не волнуйся. Все уже сделано. И отец еще в прошлом месяце договорился о могиле на семейном участке Ван Гогов.

В прошлом месяце?

У Йо сжалось сердце. Ну конечно. Отец с ледяной расчетливостью спланировал *смерть* ее мужа. Йо рухнула в кресло, закрыла лицо руками и зарыдала.

Дрис поставил на расчищенный угол стола чашку с дымящимся чаем. Йо машинально поправила стопку конвертов. Отныне все эти письма принадлежали ей.

— Сделаешь глоток? — Дрис присел на край одного из ящиков, пристально глядя на нее. — Мне нужны кое-какие сведения, Йо.

Она кивнула, потянувшись к чашке. Вместо бесполезного кулинарного урока мадам Смете увезла ребенка на прогулку. Лучше было поговорить с Дрисом, пока они не вернулись. Йо чувствовала опустошенность и пыталась справиться со стыдом. Все это время она даже не осознавала, как сильно заблуждалась. Из-за ее растерянности — нет, ее неведения — у нее было украдено драгоценное время с Тео. Надо было тогда настоять на свидании, остаться в Утрехте, слушать внимательнее, задавать больше вопросов. Она вела себя как глупая девчонка. Неудивительно, что отец и Дрис взяли все в свои руки. Она со звоном поставила чашку обратно на блюдце, не отпив ни глотка. Она не смогла быть рядом с Тео, когда он страдал. Хотя бы теперь следовало собраться.

— Кто... кому платить за место на кладбище? — ее голос прозвучал хрипло.

Дрис искоса посмотрел на нее.

— Отец все уладил... Йо, ты хоть примерно представляешь, сколько денег было у Тео?

Она замешкалась. Конечно, она заносила их ежедневные траты в гроссбух и помогала мужу отслеживать продажи, но ей и в голову не приходило высчитывать итог. Этим всегда занимался Тео. Йо покачала головой.

— Так я и думал.

Она заморгала, изо всех сил сдерживая опять подступившие слезы.

— У Тео были накопления. — Она помедлила, пытаясь припомнить. — Все это время я жила на его

жалованье — «Буссо и Валадон»³ продолжали присылать чеки, даже когда он... заболел. — Это был единственный хоть сколько-нибудь благородный шаг с их стороны после всех мучений, которые выпали на долю Тео, пока он управлял их галереей на Монмартре. Ему приходилось на свои деньги покупать картины, в успех которых он верил, вопреки неодобрению директора, Жоржа Рольфа. Тот презирал его вкус. В коллекции галереи нашлось бы не меньше дюжины работ, принадлежащих Тео: Писсарро, Дега, Моне, одна скульптура Родена. Йо прижала платок к глазам. — И еще у него была личная коллекция в галерее.

— И все это теперь твое... — Дрис широким жестом обвел гостиную.

Грубые ящики теснили ее, выталкивая из кресла. Картин здесь не меньше трехсот, подумала она. Плюс рисунки и литографии. Всё — нераспроданное. И все это Тео возложил на ее плечи. Это осознание потрясло ее. В ящиках не было и половины работ Винсента. В панике она нахмурилась, пытаясь сосредоточиться. Картины из Овера⁴ хранились на чердаке в лавке папаши Танги⁵. Работы, созданные на юге Франции, — в арльском кафе. Где еще? По меньшей мере у полудюжины мелких арт-дилеров по всему Парижу. Сколько у них холстов? Сто? Двести? Как Тео посмел умереть так внезапно? Она не справится. Только он знал, где что находится. У нее же нет об этом ни малейшего понятия.

— Спокойно, Нетти. — Дрис усадил сестру обратно в кресло. — Наследство Тео делится пополам между тобой и малышом Винсентом. Он получит свою долю, когда ему

исполнится двадцать пять. — Он окинул ящики оценивающим взглядом. — Хотя делить-то особо нечего. Винсент писал без остановки — а бедный Тео так ничего и не продал.

— Провал немножко. Одну картину — прошлой зимой.

— Какую?

— «Красные виноградники в Арле». Анне Бош, сестре Эжена Боша. — Дрис выглядел озадаченным. — Это художник, с которым Винсент подружился, когда только переехал в Париж. Где-то здесь есть его портрет... — Она обвела взглядом ящики. — Он еще и поэт.

Перед глазами возникло полотно с мерцающими звездами на фоне. Бешеный пульс начал успокаиваться. Тео рассказывал, что звезды символизируют воображение Боша, но объяснения были излишни. Ощущение иного измерения в картине говорило само за себя.

— Значит, он не слишком серьезный коллекционер, — заключил Дрис.

— Почему?

— Раз картину купила сестра.

Дрис не понимал, о чем толкует. В галерею Тео часто заходили светские дамы — под руку с мужьями, скромно потупив взгляд, но при этом расчетливо выбирая лучшие работы, чтобы потом подтолкнуть супругов к покупке. Тео любил говорить, что продажи вне политики — франк имеет одинаковую ценность, платит ли его аристократ или буржуа, мужчина или женщина. Каждая продажа влияла на его годовую премию.

Точно, премия.

— Премию у «Буссо» платят весной. Надо связаться с ними и получить деньги сейчас.

— Разве это так уж важно?..

— В прошлом году премия оказалась вдвое больше его годового жалованья.

Дрис сглотнул.

— Что ж, тогда мне придется этим заняться.

— Позволь мне самой.

— Ни в коем случае, Нетти. Арт-дилеры — настоящие хищники. А Буссо — худший из них.

— Я прекрасно знаю, какие они чудовища. Помнишь, как Тео пытался уйти от них? Когда ты отказался от совместной галереи, — она не смогла удержаться от укола. Ей хотелось сделать ему больно.

— Ты не имеешь *ни малейшего представления*, как вести дела.

— Вообще-то имею. — Во рту пересохло, Йо потянулась к чаю. — Я... я отправила несколько рисунков Винсента на выставку «Двадцатки».

— В Брюссель? Но срок подачи уже пару месяцев как истек.

— Я написала директору Мосу⁶, спросила, можно ли послать работы, сделанные пером и тушью.

— Не стоило. Тео был не в себе. Он бы никогда...

— Я отправила «Фонтан в саду больницы Сен-Поль». Тео любил этот рисунок. И еще несколько. — Она опустила голову. Какая горькая ирония в том, что Тео сам оказался в лечебнице!

— Это ежегодная выставка живописи, Нетти. «Двадцатка» гордится своим статусом ценителей прогрессивного искусства.

— *Я это прекрасно знаю.* Тео рассказывал, что раньше они уже выставляли работы Винсента. Поэтому я и обратилась к ним, как только поняла, что пропустила срок.

— Поверить не могу. Это не твое дело, зачем ты вообще вмешалась? Да еще в самый разгар болезни Тео!

Как было ему объяснить, что эта мысль пришла внезапно, в порыве безумной надежды? Среди хаоса переживаний за Тео Йо вдруг ясно поняла — надо отправить рисунки. Повинуясь порыву, ни с кем не советуясь, она взяла и наскоро набросала короткую телеграмму директору «Двадцатки» Мосу. Пустячная затея, ничего значительного. Не стоило так переживать. Но в глубине души она надеялась, что Тео непременно одобрит ее начинание, когда вернется, — ведь он всегда верил в ее самостоятельность.

Теперь она никогда не узнает, была ли права.

Йо подняла лежавший у ног портрет и взглянула на свое наивное лицо. Какой же неопытной она была! Даже в те страшные месяцы, когда болезнь Тео прогрессировала и Йо с ног валилась от усталости, потому что нужно было ухаживать и за мужем, и за ребенком, — даже тогда она и представить себе не могла, что их прекрасному союзу может прийти конец. Но теперь... Воспитание малыша Винсента. Их уютная парижская квартира. Дело жизни Тео — продвижение творчества брата. Ее

нежная близость с мужем. Все это исчезнет, как только она переедет к отцу. Горечь подкатила к горлу, но глаза впервые остались сухими. Пора было признать: сказке пришел конец.

И все же она отчаянно жаждала ухватиться хоть за что-то, искала последнюю соломинку, прежде чем навсегда попрощаться с жизнью рядом с Тео. Тут ей пришлось в голову, что доказательством любви мужа к ней и малышу Винсенту была премия. Она принадлежала ей по праву.

С внезапной яростью Йо схватила брата за руку.

— Я получу эту премию.

Он попытался высвободиться.

— Господи Боже, ты невыносима, — возмутился Дрис и добавил невпопад: — И гораздо храбрее меня.

— Я жена Тео.

— Тео... — Его взгляд смягчился. — Нетти, милая, давай сначала похороним его как положено.

Он подхватил ее, когда она разжала пальцы. Йо снова говорила о муже в настоящем времени, будто Тео еще был жив.

Утрехт

Йо

Холодные каменные надгробия кладбища Сустберген уходили вдаль неровными рядами, утопая в жухлой траве. Голые ветви деревьев гнулись под порывами ледяного январского ветра, не в силах укрыть скорбящих. Опершись на руку Дриса, Йо стояла перед свежей могилой Тео. Лицо заслоняли растрепавшиеся пряди волос. В горле комом застыли невысказанные слова.

Она так и не поблагодарила Тео. Ни разу не призналась ему, что он пробудил ее к жизни. Что до встречи с ним она и не подозревала, какая она на самом деле. Лишь он один дарил ей не просто разрешение, а смелость следовать собственным замыслам. Кто она теперь, без него?

Никто.

Перед ними священник, прижимая палец к страницам Библии, монотонно читал псалмы, борясь с ветром, который так и норовил вырвать книгу из рук.

Йо смотрела на него исподлобья. Этот бездушный напев резал слух. Тео такие похороны привели бы в негодование. Они с Винсентом предпочли забыть о своем безрадостном детстве, едва покинув отчий дом, но матушка Ван Гог настояла на своем — ее сын будет предан земле по христианскому обряду.

Чего же ожидала Йо? Будучи примерной невесткой, она оказалась зажатой между волей родителей с обеих сторон. Ей не дозволялось вставить ни слова, даже у могилы мужа.

Йо окинула взглядом пустынное кладбище. Всего трое друзей Тео добрались до Утрехта — художники Эмиль Бернар и Поль Синьяк да торговец красками папаша Танги. Благодаря «стараниям» отца похороны организовали так стремительно, что никто больше не успел.

Дрис крепко сжимал ее плечо — будто силой хватки мог восполнить отсутствие родных. Отец запретил им ехать: билеты на поезд — лишние траты. Йо скоро вернется в Амстердам, и у нее будет предостаточно времени, чтобы принять соболезнования лично.

Стойкость Дриса слева контрастировала с дрожью Вил справа. И без того хрупкая, золовка Йо выглядела совсем истощенной. Угольно-серые тени под пустыми глазами придавали ей призрачный вид. Смерть Тео обрушилась